

■ ■ ■ ГЛАЗА ГОЛУБОЙ СОБАКИ ■ ■ ■

Габриэль Гарсиа Маркес

Она пристально смотрела на меня, а я все не мог понять, где прежде я видел эту девушку. Ее влажный тревожный взгляд заблестел в неровном свете керосиновой лампы, и я вспомнил - мне каждую ночь снится эта комната и лампа, и каждую ночь я встречаю здесь девушку с тревожными глазами. Да-да, именно ее я вижу каждый раз, переступая зыбкую грань сновидений, грань яви и сна. Я отыскал сигареты и закурил, откинувшись на спинку стула и балансируя на его задних ножках, - терпкий кисловатый дым заструился кольцами. Мы молчали. Я - покачиваясь на стуле, она - грея тонкие белые пальцы над стеклянным колпаком лампы. Тени дрожали на ее веках. Мне показалось, я должен что-то сказать, и я произнес наугад: "Глаза голубой собаки", - и она отзвалась печально: "Да. Теперь мы никогда этого не забудем". Она вышла из светящегося круга лампы и повторила: "Глаза голубой собаки. Я написала это повсюду".

Она повернулась и отошла к туалетному столику. В круглой луне зеркала появилось ее лицо - отражение лица, его оптический образ, двойник, готовый раствориться в трепетном свете лампы. Грустные глаза цвета остывшей золы печально посмотрели на меня и опустились, она открыла перламутровую пудреницу и коснулась пуховкой носа и лба. "Я так боюсь, - сказала она, - что эта комната приснится кому-нибудь еще, и он все здесь перепутает." Она щелкнула замочком пудреницы, поднялась и вернулась к лампе. "Тебе не бывает холодно?" - спросила она. "Иногда бывает..." - ответил я. Она раскрыла озябшие руки над лампой, и тень от пальцев легла на ее лицо. "Я, наверно, простужусь, - пожаловалась она. - Ты живешь в ледяном городе".

Керасиновый огонек делал ее кожу медно-красной и глянцевой. "У тебя бронзовая кожа, - сказал я. - Иногда мне кажется, что в настоящей жизни ты должна быть бронзовой статуэткой в углу какого-нибудь музея". "Нет, - сказала она. - Но порой мне и самой кажется, что я металлическая - когда я сплю на левом боку и сердце гулко бьется у меня в груди". - "Мне всегда хотелось услышать, как бьется твое сердце". - "Если мы встретимся наяву, ты сможешь приложить ухо к моей груди и услышишь". - "Если мы встретимся наяву..." Она положила руки на стеклянный колпак и промолвила: "Глаза голубой собаки. Я всюду повторяю эти слова".

Глаза голубой собаки. С помощью этой фразы она искала меня в реальной жизни, слова эти были паролем, по которому мы должны были узнать друг друга наяву. Она ходила по улицам и повторяла как бы невзначай: "Глаза голубой собаки". И в ресторанах, сделав заказ, она шептала молодым официантам: "Глаза голубой собаки". И на запотевших стеклах, на окнах отелей и вокзалов выводила она пальцем: "Глаза голубой собаки". Люди вокруг лишь недоуменно пожимали плечами, а официанты кланялись с вежливым равнодушием. Как-то в аптеке ей почудился запах, знакомый по снам, и она сказала аптекарю: "Есть юноша, которого я вижу во сне. Он всегда повторяет: "Глаза голубой собаки". Может быть вы знаете его?" Аптекарь в ответ рассмеялся неприязненно и отошел к другому концу прилавка. А она смотрела на новый кафельный пол аптеки, и знакомый запах все мучил и мучил ее. Не выдержав, она опустилась на колени и губной помадой написала на белых плитках: "Глаза голубой собаки". Аптекарь бросился к ней: "Сеньорита, вы испортили мне пол. Возьмите тряпку и сотрите немедленно!" И весь вечер она ползала на коленях, стирая буквы и повторяя сквозь слезы: "Глаза голубой собаки. Глаза голубой собаки". А в дверях гоготали зеваки, собравшиеся посмотреть на сумасшедшую.

Она умолкла, а я все сидел, покачиваясь на стуле. "Каждое утро, - сказал я, - я пытаюсь вспомнить фразу, по которой должен найти тебя. Во сне мне кажется, что я хорошо заучил ее, но проснувшись, я не могу вспомнить ни слова". - "Но ты же сам придумал их!" - "Да. Они пришли мне в голову потому, что у тебя пепельные глаза. Но днем я не могу вспомнить даже твоего лица". Она стиснула в отчаянии пальцы: "Ах, если бы нам знать по крайней мере название моего города!"

Горькие складки легли в уголках ее губ. "Я хочу до тебя дотронуться", - сказал я. Она вскинула глаза, а язычки пламени заплясали в ее зрачках. "Ты никогда не говорил этого", - заметила она. "А теперь говорю". Она опустила глаза и попросила сигарету. "Почему же, - повторила она, - мне никак не вспомнить название своего города?" - "А мне - наши заветные слова", - сказал я. Она грустно улыбнулась: "Эта комната снится мне так же, как и тебе". Я поднялся и направился к лампе, а она в испуге отступила назад, опасаясь, что я случайно заступлю за невидимую черту, пролегающую между нами. Взяв протянутую сигарету, она склонилась к огоньку лампы. "А ведь в каком-то городе мира все стены исписаны словами "глаза голубой собаки", - сказал я. - Если я вспомню эти слова, я отправлюсь утром искать тебя по всему свету". Ее лицо осветилось красноватым огоньком сигареты, она глубоко затянулась и, покручивая сигарету в тонких пальцах сказала: "Слава богу. Я, кажется, начинаю согреваться", - и проговорила нараспев, будто повторяя за пишущим пером: "Я... начинаю... - она задвигала пальцами, будто сворачивая в трубочку невидимый листок бумаги по мере того, как я прочитывал написанные на нем слова, - согреваться..." - бумажка кончилась и упала на пол - сморщенная, крохотная, превратившаяся в пыль золы. "Это хорошо, - сказал я. - Мне всегда страшно, когда ты мерзнешь".

Так мы и встречаемся с ней, вот уже несколько лет. Порою в тот момент, когда мы находим друг друга в лабиринте снов, кто-то там, снаружи, роняет на пол ложечку, и мы просыпаемся. Мало-помалу мы смирились с печальной истиной - наша дружба находится в зависимости от очень прозаических вещей. Какая-нибудь ложечка на рассвете может положить конец нашей короткой встрече.

Она стоит за лампой и смотрит на меня. Смотрит так же, как в первую ночь, когда я очутился среди сна в странной комнате с лампой и зеркалом и увидел перед собой девушку с пепельными глазами. Я спросил: "Кто вы?" А она сказала: "Не помню..." - "Но мы, кажется, уже встречались?" - "Может быть. Вы могли снится мне, в этой самой комнате". - "Точно! - сказал я. - Я видел вас во сне". - "Как забавно, - улыбнулась она. - Значит, мы с вами встречаемся в сновидениях?"

Она затянулась, сосредоточенно глядя на огонек сигареты. И мне опять показалось, что она - из меди, но не холодной и твердой, а из теплой и податливой. "Я хочу дотронуться до тебя", - повторил я. "Ты все погубишь, - испугалась она. - Прикосновение разбудит нас, и мы больше не встретимся". - "Вряд ли, - сказал я. - Нужно только положить голову на подушку, и мы увидимся вновь". Я протянул руку, но она не пошевелилась. "Ты все погубишь... - прошептала она. - Если переступить черту и зайти за лампу, мы проснемся заброшенные в разные части света". - "И все же", - настаивал я. Но она лишь опустила ресницы: "Эти встречи - наш последний шанс. Ты же не помнишь ничего наутро". И я отступил. А она положила руки на лампу и пожаловалась: "Я никогда не могу заснуть после наших встреч. Я просыпаюсь среди ночи и больше не могу сомкнуть глаз - подушка жжет лицо, и я все твержу: "Глаза голубой собаки. Глаза голубой собаки".

"Скоро рассвет, - заметил я. - Последний раз я просыпался в два часа, и с тех пор прошло много времени". Я подошел к двери и взялся за ручку. "Осторожнее, - предупредила она. -

За дверью живут тяжелые сны". - "Откуда ты знаешь?" - "Совсем недавно я выходила туда и с трудом вернулась назад. А проснувшись, заметила, что лежу на сердце". - Но я все же приоткрыл дверь. Створка подалась, и легкий ветерок принес снаружи запах плодородной земли и возделанной пашни. Я повернул к ней голову и сказал: "Тут нет коридора. Я чувствую запах поля". - "Там, за дверью, - сказала она, - спит женщина, которая видит поле во сне. Она всегда мечтала жить в деревне, но так никогда и не выбралась из города". За дверью светало, и люди повсюду уже начали просыпаться. "Меня, наверное, ждут к завтраку", - сказал я.

Ветер с поля стал слабее, а потом стих. Вместо него послышалось ровное дыхание спящего, который только что перевернулся в постели на другой бок. Стих ветерок, а с ним умерли и запахи.

"Завтра мы непременно узнаем друг друга, - сказал я. - Я буду искать женщину, которая пишет на стенах: "Глаза голубой собаки". Она улыбнулась грустно и положила руки на остывающий колпак лампы: "Ты ничего не помнишь днем". Ее печальный силуэт уже начал таять в предутреннем свете. "Ты удивительный человек, - сказала она. - Ты никогда не помнишь своих снов".